

Лицевой летописный свод.
Звон на колокольне
Ивана Великого

Владимир Варавя*

Слово и дело философии

Этические основы
учения Н.Ф. Федорова

В статье рассматривается вопрос о том, как Н.Ф. Федоров понимал смысл философского дела как общего дела всех людей. В этой оригинальной концепции он, с одной стороны, следует фундаментальным нравственным установкам русской философской традиции, а с другой — разрабатывает свое собственное видение, которое может иметь этическое-педагогическое значение для современности.

The article examines the question of how N.F. Fedorov understood the meaning of the philosophical deed as a common cause of all people. In this original concept, on the one hand, he follows the fundamental moral principles of the Russian philosophical tradition, and on the other hand, develops his own vision, which may have ethical and pedagogical significance for the present.

Мне не нравится, что я смертен...

А. Введенский

Вопрос о том, что такое философия, пожалуй, входит в сердцевину философского этоса. Непрекращающиеся вплоть до нынешнего времени споры о философии — свидетельство этому. Но при всей многоголосице различных версий большинство выдающихся философов считали и считают философию по-преимуществу мыслительной деятельностью. Этот формальный критерий объединяет даже самых непримиримых адептов различных школ и традиций. И даже этика как «практическая философия» является *мыслительной практикой рефлексии* над моральным поведением человека. И от того, насколько добротна эта рефлексия, зависит и моральная доброкачественность самого поведения.

В этом смысле «дело» философии можно определить через *дело мышления* — так, как это делал, например, В.В. Биbihин, сказавший, что «каким безнадежным ни кажется дело философии, оно всегда только в том

Ключевые слова: Н.Ф. Федоров, слово, дело, дело философии, русская философия, смерть, этика, долг, педагогика

Keywords: N.F. Fedorov, word, deed, deed of philosophy, Russian philosophy, death, ethics, duty, pedagogy

* Доктор философских наук, профессор Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ.

** Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 18-011-00953 «Н.Ф. Федоров: энциклопедия (с онлайн версией)».

чтобы еще и еще раз пытаться дать слово мысли» [4, с. 8]. Это оказывается непросто, поскольку мысль требует напряжения и усилия, в том числе и нравственного, так как облечение ее в нужное слово должно стать смыслом. Можно вспомнить здесь М.Хайдеггера, который считал, что не только наука не мыслит, но что мышление покинуло уже саму философию в XX веке.

Это незримая, но очень важная работа: философ наполняет мир смыслами, и в этом пронизанном логосом мире становится возможной уже любая практическая деятельность. В этом какой-то неустранимый «идеализм» философии, присущий самому ее существу. Любой шаг в сторону «прикладных» вещей чаще всего воспринимается как измена философии, превращение ее в нефилософию. И как «слова поэта суть уже его дела», так и работа с мыслью и смыслом суть дела философа. И вообще словосочетание «философское дело» или «дело философии» пробрело уже достаточную устойчивость в профессиональном сообществе [1, 2, 3].

Кажется, что оригинальный русский мыслитель Н.Ф.Федоров восстал не только против смерти как недолжного природного порядка бытия, но в большей мере против такого чисто мыслительного или умозрительного понимания философии. Русская философия и без того в своих наиболее ярких проявлениях никогда не была «кабинетной», чисто рационалистической философией. Но в орбиту федоровской критики попадают и все русские философы, даже славянофилы, которых он шадит не более своих западных оппонентов.

Публицист А.С. Панкратов в статье с говорящим названием «Философ-праведник» писал: «Федоров спустил с облаков философию. Свои книги он назвал “Философия общего дела”, причем заявил, что это — **вовсе не фи-**

лософия, как привыкли мы понимать, а призыв, обращенный ко всем смертным, призыв к исполнению заповеди Христа» [8, с. 357]. То есть Н.Ф.Федоров выступил против философии как таковой в ее дисциплинарном статусе и родовой сути. И при этом его учение получило наибольшую известность именно как «философия общего дела». И неважно, что не он сам, а его последователь В.А. Кожевников так окрестил это учение. Главное, что оно вошло в культурный контекст под титулом «философии».

Что это: ирония, ошибка, насмешка, случайность или какое-то иное, возможно, более глубокое понимание философии по сравнению с общепринятым?

Н.Ф.Федоров не устает повторять, что мысль без дела ничто: «Вся философия, как мысль без дела, есть лишь *схоластика*, отживающая наука, еще не вышедшая из школы» [12, с. 437]. Это его фундаментальное мировоззренческое кредо. Вот, например, что он пишет в заметке «Иго Канта» про немецкого философа: «Этот мудрец не понимал того, что понимает всякий простец, а именно: что существующее в умозрительном разуме как *мысль* должно стать *делом* в практическом. Если теоретический разум представляет мир и таким, каким он есть, и таким, каким он должен быть, то разум практический должен представить его лишь в одном смысле, в должествующем быть, то есть в проективном» [10, с. 83].

Но разве сам он не был мыслителем, разве он не старался, прежде всего, воздействовать на людей посредством своей мысли и слова? Конечно, и поэтому был философом в своем первоначальном значении. Но с этим согласны далеко не все, особенно современные авторы. И вот здесь и возникает вопрос о том, считать ли «Московского Сократа» философом, а его учение философией?

Федоровская «философия дела», ставящая под сомнения всю предшествующую философскую, а возможно, и культурную традицию человечества, несомненно, таит в себе нечто большее, чем простой призыв к делу. На первый взгляд это противоречие, поскольку, как мы уже сказали, сама философия и есть дело. Может восприниматься она и как радикальный нигилизм, тоже, кстати, присущий русскому национальному самосознанию. Но углубление в федоровское учение раскрывает две важные вещи не только для самого этого учения, но и для того расширительного понимания философии, которое было присуще русской культуре.

Во-первых, именно Н.Ф. Федоров довел до некоего мыслимого (или немислимого) предела видоизменение традиционного образа классической рационалистической философии, что давно уже зрело в недрах русской интеллектуально-духовной традиции.

Во-вторых, его учение носит исключительно нравственный характер, связанный с особым, ни с чем не сравнимым восприятием смерти как коренного зла, требующего именно практического искоренения, а не только умозрительно-созерцательного отношения-осмысления, присущего всей предшествующей философии.

Рассмотрим эти аспекты.

Русская философия в различных исторических периодах и направлениях всегда противостояла западно-европейской философии, берущей свое начало в античности. Западную философию критиковали за рационализм, оторванность от жизни, исключительно умозрительный и отвлеченный характер, индивидуализм, отчужденность и т.д. И пожалуй, именно Н.Ф. Федоров в своей непримиримой обращенности именно к делу, а не только к мысли выступил наиболее сильным выразителем

антизападнического духа русской философии.

Необходимо отметить, что *недоверие к разуму* имеет очень глубокие корни в русской культуре. Но здесь важно понимать, что это недоверие не к разуму как таковому, а к разуму спекулятивному, отвлеченному, книжно-кабинетному. Кажется, что Н.Ф. Федоров в этом вопросе буквально следует за Н.В. Гоголем, сказавшим в «Выбранных местах из переписки с друзьями» следующие знаменательные и по-своему замечательные слова: «Ум не есть высшая в нас способность. Его должность не больше, как полицейская: он может только привести в порядок и расставить по местам все то, что у нас уже есть. Он сам не двинется вперед, покуда не двинутся в нас все другие способности, от которых он умнеет. Отвлеченными чтениями, размышлениями и беспрестанными слушаньями всех курсов наук его заставишь только слишком немного уйти вперед; иногда это даже подавляет его, мешая его самобытному развитию» [6, с. 231].

Но именно таков путь западного ума, который отрицается русскими мыслителями. И поэтому дело выступает у Н.Ф. Федорова как антитеза таким «отвлеченным чтениям и размышлениям», которые оказываются бесплодными и безрезультатными, не имеющими выхода в жизнь, не влияющими на нее. Вот как объясняет особый акцент на деле у Федорова С.И. Матвеев: «Н.Ф. Федоров выставил принцип *дела* как единственно спасающий от расхождения философии с жизнью. Это же *дело* для своей деятельности должно быть *всеобщим*. Только *всеобщее дело*, в проведении вековечных истин Евангелия в жизнь, может спасти всех. Изолированность же, отчужденность — первоначальный грех. Этот грех отчужденности положил свою

печатать и на все попытки отдельных систематизаторов выдвинуть какой-либо свой принцип, объединяющий все философские системы. Такие попытки объединения не удавались, по крайней мере на Западе. Очевидно, там корень зла лежит очень глубоко» [7, с. 367].

«Грех отчужденности», имеющий моральный характер, изначально формируется под воздействием философии, сделавшей ставку на автономный разум и, соответственно, на принцип самопознания, приводящий к индивидуализму, эгоизму и в, конечном счете, к взаимной непрекращающейся вражде. Вина за это во многом лежит на Сократе, сделавшем самопознание радикальным принципом всей последующей западной философской традиции.

В своих текстах Н.Ф. Федоров не устает критиковать греческого философа. Вот, например, такие показательные слова: «“Познай самого себя”, — говорил демон Сократа. “Познаю егго существую, т.е. я познающий, следовательно, существующий, все же прочее есть лишь познаваемое егго — не существующее (мое представление)”. Здесь вся История философии: от ее начала в Дельфии до ее конца в Кенигсберге и Йене. Тут вся История философии в ее поражающей нелепости и ненужности, доказывающей, что сущее существует, тогда как человеку нужно знать, **почему живущее умирает**» [11, с. 322].

Здесь заключен наиболее важный нравственный аспект учения Н.Ф. Федорова, ознаменовавший *поворот от онтологии к этике*. Русскую философскую традицию принято называть этикоцентричной, поскольку, как отмечал в своей «Истории русской философии» В.В. Зеньковский, даже проблемы, непосредственно не связанные с этикой, имеют сущностный моральный характер. Такова особенность и типологиче-

ская характеристика отечественной философии, вне которой она будет либо вообще непонятной, либо вторичной по отношению к западной философии.

В этом смысле поворот от онтологии, а значит и гносеологии к этике и антропологии, совершенный Н.Ф. Федоровым, не является произвольным шагом, но вписан в глубокий традиционный контекст отечественной философской культуры, выступая в качестве наиболее сильного воплощения присущего ей этикоцентризма.

Великие греческие философы Платон и Аристотель говорили, что философия начинается с удивления бытию; западные — с познания этого бытия. Этическая проблематика, конечно, присутствовала у них, но, так сказать, на периферийном, а не онтологическом уровне, на уровне анализа добродетелей и пороков и выработки критериев правильного поведения.

Федоровский вопрос «Почему живущее умирает?» переводит философский взгляд в область онтологии морали, т.е. в ту область, где в западной традиции наложено табу на аксиологию. Бытие — ценностно нейтрально — такова установка от Парменида до Хайдеггера. Конечно, в западной традиции существовал вопрос о смысле жизни, о смысле смертной жизни, т.е. о том, что значит смерть для жизни, каков смысл жизни, если есть смерть, придает или отбирает смысл и ценность жизни смерть и т.д. И здесь отметились самые выдающиеся представители западной философии.

Но вот вопрос «Почему живущее умирает?» не возникал с такой силой, с какой его поставил Н.Ф. Федоров. Этот вопрос относился либо к области биологии, либо проходил по ведомству теологии, теологии греха и биологии тела. Но в философии его ставить было не принято, поскольку

он вел в ту область, на которую был нацелен взгляд Н.Ф. Федорова, — на *природный порядок*, который является недолжным именно с моральной точки зрения. Иными словами, Н.Ф. Федоров вводит этику в онтологию этим вопросом, тем самым подтверждая исконную радикальную этикоцентричность русской философии.

Таким образом, «философия общего дела» концентрирует в себе глубинные нравственные интенции русской философской традиции, в то же время оказывая влияние на дальнейшее развитие философии и культуры. И следы этих влияний можно обнаруживать во многих проявлениях, в том числе и в литературных.

Строчка из стихотворения известного поэта-абсурдиста А. Введенского «Мне жалко, что я не зверь» [5], вынесенная в эпиграф, звучащая как «Мне не нравится, что я смертен», может быть воспринята как психологическое *недовольство смертностью*. И в таком же ключе можно посмотреть и на учение Н.Ф. Федорова, на его страстную борьбу со смертью, как на вытекающее из этого чувства недовольства смертностью.

Однако, если обратиться ко всему стихотворению, то в нем обнаруживаются явные федоровские интонации. Вот, например: «Червяк прорывает в земле норы, / заводя с землей разговоры. / Земля где твои дела. / Говорит ей холодный червяк, / а Земля, распоряжаясь покойниками, / Может быть в ответ молчит. / Она знает, что все не так».

Эти строчки можно трактовать в контексте идеи недолжного строя природы (Земли), которая, выполняя работу смерти, не может дать никакого ответа и молчит, зная, что это «не так», т.е. не подлинно. Или вот такие строчки: «Мне страшно, что все приходит в ветхость, / и я по сравнению с этим не редкость. / Мы сядем с тобою ветер / На этот камушек смерти».

Здесь явно выражена идея всепобеждающей смерти, действующей постепенно через смертность (ветхость). И это вызывает у автора не только психологический дискомфорт, но и метафизический ужас.

В заключении необходимо отметить, что в самом словосочетании «Философия общего дела» важным является понятие «общее». Как правило, именно оно вызывает наиболее сильные возражения, так как философия, по мнению большинства философов, — дело исключительно индивидуальное, связанное с уникальностью того или иного автора. Именно поэтому интересное. В этом смысле нет и не может быть двух схожих философов, поскольку в основании философских построений всегда неповторимая личность творца. Кроме этого, если говорить об общем деле не философов исключительно, а всех людей, как и полагал Н.Ф. Федоров, то возражения здесь связаны с тем, что общее всечеловеческое дело приведет к ущемлению индивидуальных личных интересов отдельных людей, что, в конечном счете, закончится построением небывалой тоталитарной системы.

Однако, здесь есть еще один важный аспект. Одна из задач философии как таковой заключается в поиске «человеческого в человеке», т.е. нахождении *универсальных человеческих свойств* вне всяческих дифференциаций и разделений, которые носят частный, временный и относительный характер. И Хайдеггер, говоря о философии, отмечает ее универсальный характер: «Философия есть нечто такое, что касается каждого. Она не привилегия какого-то одного человека. В этом, пожалуй, не приходится сомневаться» [13, с. 338].

В этом смысле «общее дело» Н.Ф. Федорова вписано в круг традиционных философских задач

О метафизике общего дела очень хорошо сказал В.С. Яновский:

«В каждом из нас жива хоть одна “клетка” ушедших предков.

И как одной искры достаточно, чтобы раздуть пламя, так этой “клетки” достаточно,

чтобы “раздуть” умерщвленного.

И если постигшие истину занимаются определенным делом, то всякий занимающийся этим делом, — постигает истину: такова метафизика общего (правого) дела и действия.

Вся жизнь превращается в дело воскрешения (других дел нет);

литургия, наконец, выносится за пределы храма — обнимает всю жизнь.

И почтальон, вручающий письмо адресату, принимает участие во внехрамовой литургии:

потому что и письмо это будет так или иначе связано с делом воскрешения»

и связано с нахождением этико-антропологической инвариантной основы, присущей человеку, а значит, человечеству как таковому. Как отмечает С.Г. Семенова: «...мыслитель призвал опереться на безусловность нравственного чувства и внутреннего понимания должного в самом человеке» [9, с. 175]. И поэтому, продолжает исследователь: «Это действительно философия этическая и воистину *сверх-этическая*: она выдвигает приоритет должного над сущим, деонтологии над онтологией, зовет к преобразению бытия в благо-бытие» [9, с. 176].

С точки зрения Федорова, *долг воскрешения* умерших предков и является такой универсальной основой, или, говоря по-другому, «человеческим

в человеке». И воззвание, призыв к пробуждению этой основы в человеке, которая находится под толстым слоем «фарисейской морали», есть *метод нравственной философии*, который принадлежит исключительно создателю «философии общего дела». И лишь в этом заключен смысл «дела», поскольку предмет этого дела (смерть) не может быть одолен лишь созерцательно.

А Н.Ф. Федоров ставит задачу именно преодоления, а не только понимания смысла и значения смерти, как это было в классической философии, которая не «трогала» смерть как таковую, видя в ней или закон природы (наука), или расплату за грех (христианство). Н.Ф. Федоров пишет: «Ибо для осуществления указанного им долга требуется не преклонение пред слепой, неразумной силой и не свобода друг от друга, а объединение разумных существ в труде познания слепой силы, носящей в себе голод, язвы и смерть, в труде обращения этой силы из смертоносной в животносную, т. е. требуется всех сделать познающими и все — предметом знания, и знания не пустого, а выражающегося в деле» [12, с. 6].

О метафизике общего дела очень хорошо сказал В.С. Яновский: «В каждом из нас жива хоть одна “клетка” ушедших предков. И как одной искры достаточно, чтобы раздуть пламя, так этой “клетки” достаточно, чтобы “раздуть” умерщвленного. И если постигшие истину занимаются определенным делом, то всякий занимающийся этим делом, — постигает истину: такова метафизика общего (правого) дела и действия. Вся жизнь превращается в дело воскрешения (других дел нет); литургия, наконец, выносится за пределы храма — обнимает всю жизнь. И почтальон, вручающий письмо адресату, принимает участие во внехрамовой литургии: потому что и письмо это

будет так или иначе связано с делом воскрешения» [14, с. 788].

Таким образом, концепт «общего дела» связан с нахождением *универсального этического кода*, присущего всем людям без исключения. Собственно, этим и занималась всегда философия, в том числе и умозрительная, выявляя антропологическое ядро человека (субстанцию), вынося за скобки всё случайное, вторичное, незначимое. Разница в том, что традиционная философия искала этот универсализм в «пространстве слова», в то время как Н.Ф. Федоров предлагает это свершать в «пространстве дела».

С этим связано и педагогическое значение идей Н.Ф. Федорова для современности, поскольку педагогика немислима без этики. Сегодня практически отсутствует воспитательная парадигма педагогики, возможно, потому что этика релятивизирована до своего абсолютного гедонистического предела. Этика дела может наполнить педагогику конкретным содержанием. Поскольку этика занимается не только анализом моральных свойств и понятий, но и вызывает к нравственному совершенству. И поэтому нравственный идеал должен иметь всеобщий характер.

Именно в таком виде он может быть востребован современной педагогикой. В этом смысле «Философия общего дела» дает пример такого идеала, разработанного и промысленного в большом круге человеческих задач.

Литература

1. Андрей Платонов. Философское дело: сборник научных статей / Под ред. В.В. Варавы, С.А. Никольского. — Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. — 352 с.
2. Ахутин А.В. Дело философии // Ахутин А.В. Поворотные времена. — СПб.: Наука, 2005. — С. 22–98.
3. Бибихин В.В. Дело Хайдеггера // Философия Хайдеггера и современность. — М. 1991. — С.166–171.
4. Бибихин В.В. Язык философии. — СПб.: Наука, 2007. — 389 с.
5. Введенский А.И. Мне жалко, что я не зверь. — СПб.: Изд-во «Пушкинский дом», 2020. — 160 с.
6. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. — М.: Худож. лит., 1978. — Т. 6. — С. 184–381.
7. Матвеев С.И. Философия общего дела (Учение Н.Ф. Федорова) // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга первая. — СПб.: РХГИ, 2004. — С. 363–381.
8. Панкратов А.С. Философ-праведник // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. Книга первая. — СПб.: РХГИ, 2004. — С. 352–363.
9. Семенова С.Г. Философ будущего: Николай Федоров. — М.: Академический проект; Парадигма, 2019. — 638 с.
10. Федоров Н.Ф. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. — 544 с.
11. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. — М.: «Традиция», 1997. — 743 с.
12. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. — М.: Традиция, 1999. — 687 с.
13. Хайдеггер М. Основные понятия философии // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. — М.: Республика, 1993. — С. 327–345.
14. Яновский В.С. Общее дело // Н.Ф. Федоров: pro et contra: В 2 кн. — Книга вторая. — СПб.: РХГА, 2008. — С. 787–788.

«Бог воспитывает человека собственным его опытом...»

Бог воспитывает человека собственным его опытом; Он — Царь, который делает всё не только лишь для человека, но и чрез человека; потому что нет в природе целесообразности, что ее должен внести сам человек, и в этом заключается высшая целесообразность. Творец чрез нас воссоздает мир, воскрешает всё погибшее.

Н.Ф. Федоров